

ный национальный рынок принимающей страны (ТНК, специализирующиеся на производстве пищевых продуктов, готовой одежды).

Государства с транзитивной экономикой с целью вхождения в воспроизводственные цепочки международных компаний избирают путь импортозамещения, позволяющий им впоследствии включаться в МРПП в качестве импортера и экспортера частей, компонентов; приступают к формированию своих сетевых структур (товаропроизводящие сети, совместные предприятия и т.д.), используя опыт международных компаний по созданию сборочных производств за рубежом; создают новые организационно-хозяйственные формы высокоинтегрированных межотраслевых структур (ТНК, ФПГ и др.).

Данные процессы получили развитие также на территории Республики Беларусь. С одной стороны, происходит включение организаций республики в технологическую цепочку ТНК, с другой — формируется транснациональная производственно-инвестиционная модель экономических связей за пределами республики посредством организации представительств, филиалов, совместных предприятий и др.

Развитию данных процессов способствует то, что ряд отраслей носят экспортоориентированный кластерный характер, на базе которых возможны создание интегрированных структур, установление долгосрочных хозяйственных отношений с ТНК.

Секция 4

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО АНАЛИЗА ТРАНЗИТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ

О.Г. Буховец, д-р ист. наук
БГЭУ (Минск)

О ЗАБЛУЖДЕНИЯХ ТРАНЗИТОЛОГИИ

В эпохи более или менее масштабных общественных перемен очень существенно повышается «разрешающая способность» социальных наук. Во многом это происходит вследствие значительного расширения в такие периоды возможностей «включенного наблюдения».

Другое дело — насколько в каждом конкретном случае ученые субъективно в состоянии реализовать этот объективный потенциал в конкретных исследованиях и разработках. Не раз ведь уже случалось, когда именно использование ошибочных моделей понимания тех или иных процессов и явлений в переходные эпохи, выбор неадекватных

путей и методов их анализа превращали гуманитарное познание в состояние определенного «эвристического ступора».

Системный кризис «реального социализма» второй половины 1980 — начала 90-х гг., быстро переросший затем в коллапс, застал социальную науку «второго мира», можно сказать, врасплох. Только что обретая интеллектуальную свободу и освободившись от в большей или меньшей мере жесткого контроля со стороны официальной идеологии, она успела по существу приступить к обновлению лишь *внешних форм*, «упаковки», «этикеток». Сущностно-содержательная же ее «начинка», аналитический потенциал успели измениться слишком мало для того, чтобы она смогла в то время выработать *самостоятельные* стратегии познания начавшегося в большинстве стран второго мира «транзита» (политического, экономического, социального, духовно-ментального). В духе тогдашней эпохи, выход из такой ситуации виделся очень простым — импорт. В данном случае — «научный импорт».

В предшествующие полтора-два десятилетия западные экономисты, политологи, социологи, историки, культурологи исследовали и обобщили обширный материал о транзите в разных регионах третьего мира (*прежде всего* — по Латинской Америке). Он-то и был востребован в странах «реального социализма» как особо ценная статья научного импорта, призванного компенсировать дефицит аналогичных исследований по второму миру...

В считанные несколько лет в социально-гуманитарном знании большинства социалистических стран происходит генеральная инверсия научных авторитетов. Уже в конце 1980 — начале 90-х гг. место обязательных прежде ритуальных положений типа «классики марксизма-ленинизма о...» занимают в трудах наших обществоведов ссылки на западных авторов. «Смена научных вех» была настолько всеобъемлющей, что уже к середине 1990-х гг. западные ученые становятся для постсоветской (не говоря уже о постсоциалистической) науки не просто авторитетными и часто цитируемыми иностранными коллегами-специалистами, а по существу *нормативной референтной группой*.

Конечно, были и скептики, которые выражали сомнения по поводу универсальной применимости соответствующих наработок зарубежной транзитологии. Высказывались, в частности, предупреждения о том, что простое принятие «импортированных» моделей «к исполнению», без предварительной их настройки на то особенное и индивидуально-неповторимое, которое присуще нашей части мира, может завести нашу науку в очередную «эпистемологическую ловушку». Однако в обстановке снизившихся в эпоху перемен критериев истинности научного знания голоса скептиков почти не были слышны в «хоре», для кого не существовало сомнений в том, что модель транзита, «сработавшая в Аргентине или Чили, сработает и в постсоветских странах».

Но «универсальность» и «классические характеристики», приписываемые названным теоретическим схемам политического и экономического транзита, не просто не получили подтверждения в ходе кон-

кретных трансформационных процессов, которые пережили и продолжают переживать бывшие социалистические страны. Они, сверх того, в достаточной уже мере засвидетельствовали *фундаментальность* ошибки *отождествления второго и третьего мира*. Сама же идея «нормативности» транзитологических концепций не только для *тех* частей мира, на чьем эмпирическом материале они вырабатывались *post factum*, но и для других, в которых на момент оформления таких концепций данные явления абсолютно никак *еще и не проявлялись*, — вообще заслуживает места в какой-нибудь «хрестоматии по научной наивности»...

Единственный, как полагаем мы, перспективный для транзитологии путь — не механическое проецирование «западного взгляда» на незападные ареалы и реалии «сверху», а выстраивание теории «снизу», на основе историко-цивилизационного опыта и современной действительности тех частей мира, к которым пространственно и геокультурно принадлежат те или иные страны. Тем более актуальным представляется такой курс в ситуации нарастающей в современном мире *плюрализации* путей общественного развития, усиления *нелинейного* характера нынешних политических, экономических, социальных, национально-этнических, духовно-ментальных процессов и явлений.

М. Добия, д-р учета

Краковский экономический университет (Польша)

МЕТОДЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА В ТРАНЗИТИВНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Dilemmas of applying exchange rates in international comparisons

Mieczyslaw Dobija¹

An exchange rate results from the operation of a market, where free exchange of currencies takes place. Opportunities for a theoretical modeling of the phenomenon — that is, of a market valuation of one monetary unit in comparison with the other — did not in fact arise until 1970s, after the failure of Bretton Woods's contract. This was a milestone in the economic history, as it was then that market forces proved really forceful, as they broke through the chains of politicians' and other key money players' misconceptions and their erroneous belief that those market forces should be harnessed and money always controlled. It should be noted that these basic misconceptions were mastered particularly by those politicians and economists who preached and praised the free market. Since no later than 1973 exchange rates have been decided by the market, therefore conditions for serious scientific research arose.

¹ Mieczyslaw Dobija, Professor, Crakow University of Eomparisons, ul. Rakowicka 27, 31-510 Kraków, Poland, dobijam@ae. Krakow.pl